

Василий Щепетнев

16+

Гамбит Смерти

Василий Щепетнев

Гамбит смерти

«Автор»

2022

Щепетнев В. П.

Гамбит смерти / В. П. Щепетнев — «Автор», 2022

Бойтесь данайцев, дары приносящих, взамен заберут они вдвое! Волею случая человек получил дар - играть в шахматы сильнее любой программы. Но всё непросто. Совсем непросто.

© Щепетнев В. П., 2022

© Автор, 2022

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
1. Понедельник, 15 часов 10 минут	5
2. Вторник, 21 час 50 минут	11
3. Среда, 6 часов 15 минут	14
4. Среда, 21 час. 30 мин	21
5. Четверг, 5 час. 40 мин	25
6. Четверг, 17 часов 40 минут	29
7. Пятница, 2 часа 43 минуты	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Василий Щепетнев

Гамбит смерти

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1994 год

1. Понедельник, 15 часов 10 минут

Я тщательно осмотрел печень. Хорошая печень, что нынче редкость. Развелось паразитов – во всех смыслах слова.

Крохотные комочки я поместил в голубиные тушки. Чудесное превращение на счёт «три». Узкое лезвие ножа срезало изумительно тонкие ломтики сала, длинные, полупрозрачные. Раз!

Запеленав голубей, я разложил их на противень. Два!

Выглядит заманчиво. Но то ли будет.

Духовка жаром объяла будущий шедевр.

Я подумал, подумал, и добавил топлёное масло. На очереди – овощи.

– Олежек, душа моя, потерпи. Морковь натошак притупляет ясность вкусовых переживаний, и ты не познаешь истинного блаженства.

Чернов отдернул руку.

– Я не нарочно. Просто привык. Люблю, когда зубы работают.

Время неумолимо приближалось к назначенному часу, но график выдерживался. Наступил важнейший этап – сок заструился на дно противня, и я беспрестанно окатывал им голубей, выжидая момент.

Три!

Снятые ленточки сала легли в подогретую глиняную миску, голуби распускались в духовке. Счёт шел на мгновения. Немного сладкого молотого перца, духовка прикрыта, сало укладывается на тарелки, духовка распаивается, и поверх сала водружаются румяные голубиные тушки в окружении маленьких овощных пирамидок.

Десять секунд на перемену халата и колпака.

Олег раздвинул створки двери, и я покатил сервировочную тележку по галерее, поглядывая на часы и принаравливая собственные шаги к бегу времени.

Под бой часов мы с Олегом вошли в обеденный зал.

Юра с Иваном томились в ожидании, а первая четвёрка спускалась по лестнице.

Порядок, как в армии. В немецкой армии. Или японской. Разбуди меня через сто лет, и спроси, что делается в российской армии...

– Милостивые государи, прошу к столу!

– Потрясающе, просто потрясающе! Петро, ты неисчерпаем! – Анатолий не сдержался. Его можно понять.

С сервировкой Олег справился удовлетворительно. Пусть учится, пригодится. Мне ж пригодилось.

Мы медленно погрузились в обед. Собственно говоря, погрузились они; я держался на поверхности, проверяя реакцию остальных.

Александр Борисович посмотрел на свою крохотную рюмочку. Золото, четыре девятки. Нимисов кивнул, и Страчанский поднес её ко рту. Эх! Таинственный состав неведомым мне образом воздействовал на сосочки языка. Работаю на чёрный ящик.

Сам Нимисов на сей раз воздержался от снадобий и неспешно, с отрешенным видом поглощал пищу. Ничего, ему по должности положено хранить невозмутимую таинственность.

Анатолий же блаженствовал. Ценитель. Просто смотреть приятно. Да и манеры, нахватанные по Европам, способствовали образу гурмана.

Аркаша ел жадно и быстро. Не обтесался пока. Все впереди, прорвется и он в Европу.

Вторая четвёрка, люди крепкие, в теле, наслаждались неосознанно, инстинктивно, чувствуя, что еда – правильная, и даёт счастье желудку, покой душе и силу мышцам.

Юра деликатностью поведения не уступал Анатолию, тоже загранич навидался. Перехватив мой взгляд, он поднял большой палец:

– Класс!

А мне приятно. Такова уж моя натура. Люблю, когда хвалят.

Иван, погруженный в одному ему лишь ведомое пространство, тем не менее, лущился удовольствием. Немного напоминает аккумулятор на подзарядке.

Олег грыз морковку. Рад, дорвался сегодняшний мой помощник по камбузу.

Напольные часы лениво виляли маятником. Вторая четвёрка, как всегда, окончила трапезу раньше. Люди действия. А шахматисты не торопились, вели беседы о гороховом супе – гвозде какого-то турнира, фирменных цыплятах, особенном кофе.

Ровно в половину четвёртого все поднялись.

– Спасибо, Петр Иванович. Вы, как обычно, на высоте, – Нимисов отодвинул стул. – Собираемся через час.

Первая четвёрка поднялась наверх. Время сиесты.

Олег сложил посуду и покатыл на кухню.

Юра встал перед зеркалом, достал расчёску и провёл ею по идеально уложенным волосам.

– Мы с Иваном у моста побродим.

Я вышел вслед. Солнышко крепкое, горное. Тысяча восемьсот шестьдесят метров над уровнем мирового океана. Метров полноценных, не девальвированных воруём. Внизу шипел Средний Желчуг, окрашенный небом в нефритовый цвет. Как бранзулетка Страчанского. Нефрит, он, говорят, счастливый камень. А шахматисты – люди с причудами.

Я прикинул меню на завтра. Наловить бы форели... Надо с Юрой потолковать. Нимисов одобрит.

Славный, однако, домик. В горах ныне желающих отдыхать мало. Кавказ, однако, хоть и северный. До Чечни добрых двести километров по карте, а ногами и все триста, если не больше, но все же... Зато – покой и тишина. Место нашел Крутов и убедил, что здесь жизнь куда безопаснее, чем в Москве или Петербурге. Роскошное шале в заповедном месте по демпинговой цене. Мастер, он везде мастер, Юрий наш Михайлович Крутов. Знает, что, где и почём.

Три недели, как мы прибыли в эти безлюдные места. Не знаю, до чего додумались гиганты шахматной мысли, надеюсь, в коней корм. И в королей. Страчанский пробился в гросс-турнир, отбор на первенства мира, Анатолий с Аркадием – его тренеры – секунданты, а Нимисов – духовный пастырь. Гуру. Психологическая поддержка и тренинг.

А мы – обслуга, охрана. Я, например, повар. Почему бы и нет. Доллары на дороге не валяются. Врачевание нынче не кормит. Меня.

Хватит напрасно тратить цветы своей селезенки.

Я двором прошел на кухню. С шале её соединяла галерея. Пятнадцать метров – дабы не тревожить шумом и запахами отдыхавших ранее лучших представителей трудящихся классов.

Олег раскладывал вымытую посуду на сушилку.

– Держи морковку, богатырь!

Мы сели за столик.

– А то! Морковь да горох – самая здоровая еда. Царем горох величали. Запоминали... – прекрасные у Олега зубы. Не скажешь, что боксер.

– Согласен. Идея интересная. Взбитый горох, форель...

– Да уж не химия. Нероболит, суперболит, хренаболит.

– Не понял.

– Да дураком я был. Мне тренер предложил, поколись, ничего, кроме пользы не будет. Я тогда чемпионом стал, к Олимпиаде готовился. До этого – никакой дряни на дух не подпускал. Силы хватало. Вот и поколосся.

– Попался на контроле?

– Нет. Тренер схему знал, никакой контроль не страшен. Но на Олимпиаду другого взяли, получилось, зазря я травился, – он помрачнел. – Каждый на нашем горбу в рай едет. Добро бы только на моём, выдюжу, а и скинуть могу тоже. Знать бы, чем обернется, прибил бы я тренера. Сейчас он в Штатах, а дочь – калека.

– При чем тут дочь?

– Родилась с врожденным пороком. Сказали, из-за меня, из-за того, что химией пользовался.

– А ты был в Америке? – попробовал я сменить тему.

– Конечно. На матчи ездил, один раз во втором раунде Холифилда вырубил. Теперь тот Холифилд легенда бокса, в миллионах ходит.

– Миллионером хочешь стать?

– Дочь лечить нужно, а в тех клиниках рубли не берут. Операция дорогая...

– Ты бы с Нимисовым посоветовался, – не удержался я.

– Не верю я. Перевидал экстрасенсов, будет, – он поперхнулся, закашлялся.

– А вдруг и поможет? – продолжил он, окашлявшись. – Я бы на всё пошёл...

Зазвенел колокольчик, серебряный. Нимисов одаривал нас целебными вибрациями. Предстояла вечерняя зарядка природной энергией. Что делать, Страчанского должен окружать энергетически полноценный коллектив, чтобы из него не перетекала по крупницам собранная вселенская сила в хилых и немощных.

Выполнение шаманских обрядов Нимисова – обязательное условие работы в команде.

Мы собрались на берегу Желчуга.

– Вдыхаем насыщенный, богатый энергией воздух, вдыхаем глубоко и задерживаем дыхание, чтобы кровь восприняла энергию пространства, – Нимисов говорил негромко, властно, зная, что и шёпот его должен ловить каждый.

После дыхательных упражнений перешли к омовению. Холодный Желчуг – не лучшее для купания место, слишком быстрое течение, но бодрит необычайно. Зайдя по колено в несущийся поток, мы ладонями черпали воду и обливали друг друга. Нет, действительно бодрит.

Солнце, хоть и клонилось к вечеру, а кожу припаливало. Близкое солнышко-то.

Вообще, до сих пор ритуалы Нимисова не выходили за рамки разумного. Утренняя гимнастика, солнечные и воздушные ванны, купания – это советуют сотни лет. Да кто следует этим советам без понуждения?

Одевшись, мы вновь окружили гуру.

– Теперь уединяемся и размышляем о сущем.

Тоже из ритуалов Нимисова. Мы поднимались на скалы, нависавшие над Желчугом, – невысоко, метров на тридцать. У каждого был свой пятачок, на котором, не видя других, он мог предаваться медитации.

Под ногами зашевелились камешки. Я, хоть и страховался за ствол дерева, отпрянул от края. Валуны, обточенные рекой, гладкие, но очень твердые. А сверху такие безобидные.

Я снял штормовку, постелил и сел, прислонясь спиной к дереву. Солнце приятно греет, речка шумит, листья шелестят – что еще надо?

Дорога сверху смотрелась совсем тоненькой; от шале шла она к мосту, теперь разобранному. Реконструкция. Рядом висел хлипкий временный мостик, аттракцион для любителей острых ощущений. Как только я носил по нему поклажу? Невероятно.

За рекой дорога уходила вправо вдоль подножия гор. Двадцать пять километров национального парка, а дальше – Харыз. Ближайшее селение. Идея Нимисова – забраться в горную глушь, подальше от вампиров энергии, и готовиться к турниру.

Тишина. Безлюдье. Полный покой.

Я задремал. Гармония с природой перешла в новое качество. Виделся мне Кишинёв. Комсомольское озеро с водой, столь же чистой, что и здесь. Какой спрос с дрёмы? Я плыл на лодке, легко помахивая веслами, а чайки кричали и кричали, сначала радостно, а потом вдруг тревожно. Вода из небесно – голубой стала серой и плотной, как силикатный клей, лодка завязла, и, в довершение всего, перед её носом вспучился водяной бугор, набряк и прорвался взметнувшимся в небо фонтаном вишневой венозной крови и коротким резким воплем.

Я проснулся, а крик из сна протянулся в явь, эхом отзываясь из ущелий.

Спуск вниз короткий, но и тут можно подвернуть ногу. Или шею. Я берёгся.

У берега Аркадий с Юрием о чём-то говорили вполголоса.

– Это не ты орал? – Юра чуть опух. Тоже, должно быть, дремал.

– Орал? Я думал, приснилось мне.

– Нет, кто-то действительно крикнул, – Аркадий напрягся, всматриваясь за мою спину.

Нужно ему очки носить, а стесняется. Кого? Скорее всего, себя.

Я обернулся. Подходили остальные. Кто тот безумец, прервавший нирвану наставника?

– Все собрались? – голос у Валерия Васильевича тихий, но укоризненный.

– Комова нет, – Юрий смотрел на тропу.

– Сходите за ним.

Воцарилось молчание провинившегося класса перед строгим учителем.

Минута.

Вторая.

Из-за поворота тропы выбежал Юрий.

– Он разбился! Он разбился!

Олег первым шагнул навстречу.

– Что с Иваном?

– Насмерть, – Юрий остановился, повернул назад. Тропинка узкая, шли по одному, я сразу за Олегом. Несколько поворотов – и вот нависающая скала, место Ивана, крайняя, самая дальняя, а внизу, на каменистом берегу Желчуга – он сам.

Иван успел сгруппироваться в падении, но – двадцать метров. Семь этажей по городским меркам. И – камень. Эксперт не требовался.

Брызги речного потока долетали до нас и морозили кожу.

– Как же это он? – Аркадий отвел взгляд. Зрелище не для шахматиста.

– Упал. Сорвался, наверное, – Юрий кинул взгляд на скалу.

– Не следует ли сообщить властям? – Александр Борисович, Александр Борисович! Вот тебе и концентрация.

– Каким властям? Где они, власти?

Да. С властями в горах сложно. И не в горах тоже. Военные патрули или самооборона – это есть. Но на падение со скалы они не придут.

– С властями я улажу, – Юрий знает, что делает. – Составим акт о несчастном случае. Вот с телом проблема. Придется доставить в поселок. Я думаю, в Харыз идти смысла нет. Сегодня

поздно, а выйти завтра – доберусь к ночи, опять дела не будет. Вот послезавтра машина придет, на ней и отправлюсь. Деньги понадобятся.

– Разумеется, – Страчанский разгладил лоб.

– Олег, принеси носилки. Они у входа в чулане.

– Хорошо.

– Может быть, подняться наверх, посмотреть? – подал голос Аркаша.

– Зачем? Впрочем, давайте. Только осторожно, и не все. Петр Иванович, вы пойдете со мной?

Ничего необычного наверху мы не обнаружили. Юрий осторожно подошел к самому краю.

– Наверное, голова закружилась. Всё-таки горы. Или просто слишком близко подошел и потерял равновесие. Давай осторожно вниз.

– Нашли что-нибудь? – Аркаша нервничал.

– А что мы могли найти?

– Следы борьбы, например. Вдруг на него напали?

– На Ивана? К нему невозможно незаметно подойти. А одолеть он мог любого, даже не вспотев. Ну, может, кроме Олега.

– Вы говорите ерунду, – оборвал его Нимисов. – Олег находился от него дальше всех. И мимо меня незамеченным пройти не мог никто.

– Я не в том смысле... Бесспорно, произошел несчастный случай. Бывает с самыми опытными людьми.

– Вот именно, – отрезал Нимисов.

Показался с носилками Олег. Я помог уложить тело. Комов был тяжёлым, очень тяжелым. Меняясь, мы дошли до шале.

– Я думаю, тело надо поместить в холод, на ледник, – Юра вытер пот. – Днем жарко, и вообще...

– Там же продукты!

– Нет, Петр Иванович, не на твой. Тут есть еще, рядом с сараем. Зимой заложили, я знаю. Для трофеев охотничьих.

– Правильно, – Нимисов согласно кивнул. – Тело может вызывать фрустрацию биополей. Второй ледник был в метрах пятидесяти от дома. Я туда не пошел. Справятся.

Разумеется, трудно рассчитывать на почётный караул и всенощное бдение, но вот так – куда-то в погреб одинокий труп, а сами – продолжать подготовку? Жестокая штука – большой спорт.

Совсем без настроения сидел я на кухне, отказавшись от помощи Олега. Керосиновая лампа не казалась такой уютной, как прежде. Даже чистка картофеля, занятие сродни вязанию, не успокаивала.

После весенних оползней линию не восстанавливали, не до того, и сидели мы без телефона и электричества. По Нимисову, это и требовалось – низкочастотный ток—де притупляет мышление.

Коренчатым ножиком я нарезал картофелины на четвертушки, набрал в кастрюлю воды и бросил щепоть соли. Хорошо, с водой нет проблем – умная система подводила её из горного источника самотеком.

Заглянул Анатолий.

– Сочку попьешь?

– Обязательно.

Он всегда пьет томатный сок по вечерам – заботится об остроте ночного зрения.

– Будешь и сегодня комету искать?

– Да. Небо ясное. Луна, правда, мешает.

Вода закипела, я убавил огонь.

– Как развивается шахматная мысль?

– Помаленьку. Жалко парня, дурацкая смерть. Страчанский с Аркашей разбирают вариант.

Он посмотрел на кастрюлю.

– Что на ужин?

– Скоро узнаешь.

– Ладно, пойду.

Я смотрел в тёмное окно. Ни огонька, ничего, одно тусклое отражение кухни. Я прибавил света, покрутив фитиль.

Картофель почти сварился. Я слил воду, добавил два стакана сметаны, ложку топлёного масла, на кончике ножа соли и вернул кастрюлю на плиту. Через пять минут она зафырчала, и я увёз ужин в обеденный зал.

Ели без вдохновения.

Скверно что-то на душе.

2. Вторник, 21 час 50 минут

– Дома у меня есть порошок. Судомой называется. Незаменимая штука для холостяка. Или вот «Фэйри».

– На любителя, – я подал Юре полотенце. – Химия. Горчица проверена веками.

– Горчица кусается, – он вытер руки и подсел к столу.

Я выложил яичницу по-американски.

– Простому человеку без калорий невмочь, – Юра, отставив благоприобретенные манеры, обошелся одной вилкой. Дикий пионер на Диком Западе.

По настоянию Нимисова первая четвёрка с сегодняшнего дня перешла на вегетарианское питание. Андив, скродола, рагу из кольраби, взбитый горох. Успокаивает астральное тело. Но ребятам хотелось что-нибудь поосновательнее. Только что Олег умял банку тушенки – не хватило терпения ждать, пока я готовлю. Вот Юре двойная порция и досталась. Он парень выносливый, справится.

– Тебе надо что-нибудь в городе?

Ему везти тело Комова.

– Нет, ничего. Ты когда вернешься?

– Послезавтра. Самое позднее – в пятницу.

Он остановился перевести дух. Или продлить удовольствие.

– У меня есть в прокуратуре хорошие парни. Дело-то ясное. С семьей Комова, думаю, утрясется. Выделена единовременная помощь. Плюс – после турнира. Они сообразят, что не нужно волновать Александра Борисовича. Хорошо ещё, что Комов – здешний. Я, когда место определяли, сразу о нём вспомнил. Мы одно время были близко знакомы, вместе начинали. В разных весовых категориях, разумеется. Потом Иван на карате переключился и как-то ушёл из круга. А я в судейство подался. И в нашем деле не последнее вовремя смыться, – пустая тарелка легла в раковину мойки. Он постоял, глядя на льющуюся тоненькой струйкой воду, потом закрыл кран.

– Очень вкусная была яишенка, просто отличная. Пойду вершить дела большого дня.

Вот такие дела. А чудилось мне, не в простых отношениях они были – Юра и Иван. И Анатолий любил небеса обозревать вместе с Комовым. Напраслина? Теперь неважно.

Я смёл крошки со стола, протер его начисто. Кухня свою работу заканчивает.

Окунул палец в ведро на плите. Теплая водичка. Колпак и халат легли в таз. Я взял пакет, отмерил стаканчик стирального порошка и полюбовался потрясающей надписью: «NO EAT!».

По-русски написано глаже: «Внутрь не употреблять!».

Таз я вытащил на кухонную веранду. Отмокнет и здесь.

Кухня – для священнодействия, коим является кулинарное искусство.

Ветерок-то свежий. Я прохаживался перед домом в лучах выглядывающего из-за пика Риз луны. Гало знатное. И дымка подтуманила небо. Немногочисленные звездочки едва сумели пробиться сквозь неё.

Прохладно и неуютно. Раньше было не так.

Я вернулся на кухню. Веник и швабра звали достойно окончить день. Не рановато?

Анатолий в чёрном кожаном плаще, с биноклем на шее, шел по галерее. Напрашивался глагол «перемещался». Прямо хоть в кино снимай. Эпизод – «генерал фон Браухич на рекогносцировке».

Я открыл бутылочку сока, поставил стакан.

– Благодарю, – он снял бинокль и положил рядом со стаканом, расстегнул плащ, из-под которого выглянул толстый свитер-самовяз. Экипировался на совесть. Только сейчас я понял, как похолодало.

– Не хочешь посмотреть на небо? В час восемнадцать астрономический феномен: покрытие Марса Луной.

– Как-нибудь в другой раз. Спать охота.

– А меня небо успокаивает. Отдыхаю.

Бинокль – мощный, дорогой прибор. Фирма. Германия, не Китай. Двадцатичетырехкратное увеличение берег кожаный футляр. *Beati possidentes*.

– Да и погода неважно.

– Знаю, – вздохнул он. – Авось, развиднеется. Кстати, как тебе задачка?

Я принес с подоконника карманные шахматы. Третий день место занимают. Не до них было. Я вообще-то не охотник до задач, даже шахматных. Но автора отказом обижать не хотелось.

– Не гроссмейстерское это дело задачи придумывать. Тем более неправильные.

– Сказочные, – поправил он. В голову лезут идеи, лезут и лезут. Не пропадать же. А решается так, – он задвигал фигурки, с трудом уместившиеся на крохотных полях. – Правда, неплохо? А последний ход? – он потер руки. – И умер бледный раб у ног непобедимого владыки!

– Впечатляет, – поддакнул я. От меня не убудет. – Хорошая, на мой непросвещенный вкус.

– Я их тут дюжину сочинил. Воздух стимулирующий. Издам брошюрку, пожалуй.

Я долили остатки сока. – Издавай. Одну куплю, если подпишешь.

– Твой бестселлер жена каждодневно читает. Я ей письмо написал, заверяю, что на практике у тебя получается ещё вкуснее. Завтра с Юрой отправлю.

Это он о моей книжице «Кухня современной России, или искусство выжить, не отказываясь от невинных радостей».

– Будто раньше не знал.

– Ну, милый, одно дело разовым обедом поразить, а другое – месяц ублажать довольно привередливый народ. Нет, ты мастер большой. Кстати, железно сказать не могу, но, похоже, Александр Борисович не прочь взять тебя в Мехико. Ты попроси Нимисова замолвить словечко, и тогда – сто процентов.

С прицелом на Мехико я и согласился ехать сюда. Но сейчас прилива счастья не ощущал. И не потому, что дело до конца не решено. И даже не потому, что предстоит кланяться Нимисову, мало ли я за жизнь наклонялся, дело привычное. И в Мехико не расхотелось. А копошится червячок на дне души, не сомнения червячок, а... Нет, и слов не нахожу.

– Твой прогноз на Мехико?

– Извини, дурацкий вопрос. Прессу читай. Одно скажу – Страчанский за год прибавил очень сильно. Вторая волна роста – в тридцать девять лет. Удержится на этой волне – не будет ему равных.

Он отодвинул стакан, взглянул на часы.

– Пойду, пожалуй. Глазам нужно дать адаптироваться.

Я драил пол. Толя, Толя, все ищешь свою звезду. Мир повидал, семья, трое детей, работа уважаемая, в турнирах за бугром на настоящие деньги играет, а мало. Не то. И смотришь в бинокль на небо, ищешь комету, в глубине души зная, что это попытка с заранее негодными средствами. Смешно. Недалеко отсюда – Большой Телескоп Азимутальный телескоп, БТА, шестиметровое зеркало которого стережет небо, – и ты со своим Цейсом.

Чья б корова мычала...

Устыдась, я достирал халат, натянул на веранде верёвку и повесил сушиться. Утром поглажу. Повар обязан держать себя в белоснежной неприступности. Не отечественный докторишка в замызганной спецовке без половины пуговиц.

Закрыв кухонные двери, я галереей прошел в шале.

Юра с Олегом сидели за столом и щелчками гоняли по шахматной доске шашки.

– В чапаевцы играете, господа?

– Лично я – в колчаковцы! – шашка упала под стол, и Олег полез за ней.

– По настоянию трудящихся старинной русской игре возвращено ее первоначальное имя, – усмехнулся Юра.

Я отправился в свою комнатушку, разделся и лёг. Стук шашек вскоре стих. Нарубились, станичники...

Приглушив лампу до минимума, я лежал, вслушиваясь в скрип дома.

Сверчка не хватает.

Барабанная дробь первых, крупных капель дождя. Оловянные солдатики маршируют по крыше.

Дробь слилась в сплошной шум.

БТА не работает в связи с неблагоприятными погодными условиями. Теперь Анатолий с ним на равных. Зеро – зеро.

Но судья не зафиксирует ничьей.

Засыпая, я думал о принцессе Ки-Еве.

3. Среда, 6 часов 15 минут

Балмуш для меня – воспоминание о детстве и готовится всегда приятно, но и с легкой грустью. Давно это было. В Молдавии места Денисову нет.

Размышления на печальную тему прервал Аркашка – ранняя пташка. Не способен человек начать день, не потравившись кофеином.

– С добрым утром, Петр Иванович! – а сам, как бы машинально, вертит джезвей в руках.

– И тебе того же. – Ветер порывами бросал дождь в окно.

Льет и льет.

– Мне бы водички вскипятить.

Я освободил на плите местечко.

– Спасибо, Петр Иванович.

Он с нарочитой неловкостью примостился на краешке табурета. Скромняга. Труженик шестидесяти четырех полей готовится к уборке урожая.

– О чем задумался, земля?

Мы с ним и в самом деле земляки. Я родился в Кишиневе,

он в Бендерах. Но он, а, вернее, его мама, почувствовали неладное раньше и спокойно перебрались в Питер.

– Да вот, о доме беспокоюсь. Мама одна, скучно ей. И за рыбками ухаживать сложно. У меня аквариум большой, двадцативедерный. Двести сорок литров ровно.

– Домой хочется?

– Немного. Плохо, позвонить отсюда нельзя. На почту надежда слабая. Письмо бы получить...

Мобильники здесь не работают. Горы.

– Если машина придёт – получишь, – я опустил мешалку в котел и закрутил между ладонями. Индеец племени Сиу добывает огонь трением – спички забыл взять.

– Может не придти?

На вынутой мешалке остались комочки мамалыги. Не готова.

– Горы есть горы, душа моя. По такой погоде и доллар не тянет.

Вода в джезвее закипела. Аркаша высыпал в него ложку чая. Индийского, гранулированного. Варвар.

– Молочка бы капельку, Петр Иванович.

– Изволь, – молоко в чай? Последователь Оруэлла. Я отвернулся.

По галерее – шаги. Несёт еще кого-то нелегкая. Всех гнать пора!

– Простите за вторжение. Анатолия Яковлевича нет у вас?

На подобный вопрос всегда хочется в ответ пошарить по карманам, вдруг да завалялся. Но с Нимисовым шутить вредно.

– Нет, – Аркаша отхлебнул пойло.

– Мы всегда в это время занимаемся медитацией – Александр Борисович, он и я. Некоторые – Нимисов посмотрел на Аркашу, – пока до этого не дозрели. Но Анатолия Яковлевича нет. Я заглянул в его комнату – никого, и постель заправлена. Надеюсь, он тут.

– Нет. И не было. Я вчера его видел, поздно вечером, с биноклем, – пора убавить огонь под котлом.

– Странно. Где ж ему быть?

– Вдруг плохо стало? Сердце? – Аркаша отложил кружку. – Я поищу его, – он кивнул на окно. – Плащ надену и пойду.

– Я тоже, – Нимисов покинул кухню.

Нехорошо. Совсем нехорошо. Я заглянул в кладовую, снял с гвоздя дождевик, влез в сапоги.

Вода скатывалась по склону вниз, сливаясь в грязные ручейки. За дождем, едва угадываемый, рокотал Желчуг.

Из шале показались Нимисов с Аркашей. Я присоединился к ним.

– Саблецов как-то брал меня на свои астрономические наблюдения. Вдруг он там? – из-за шума приходилось почти кричать.

Ненадолго хватит дождевика. Ветер дул в спину, и сырость уже холодила меж лопаток.

Опрокинутый стул, исхлестанный дождем, растопырил беспомощно ножки, а рядом в траве лежал человек, лежал лицом вниз, вытянув вперед руку, а другую подвернув под себя. Посиневшее лицо и широко раскрытые глаза с белесыми зрачками.

– Что с ним?

Кто спрашивает? Не узнаю голоса.

Я попытался отыскать пульс. Бессмысленно – окоченение успело сковать мышцы. И, перечеркивая шею – темная борозда.

– Он мертв, – я и свой голос не узнал.

– Я будто ждал этого, – верно, Аркаша. – Он раньше на сердце жаловался.

– Сердце не виновато. Он задушен, – я поднялся.

– Вы уверены? – Нимисов смотрел на мое плечо.

– Уверен.

Я осмотрелся. Вот он. Огромные объективы уткнулись в грязь, отвернувшись от нечистого неба.

– Вероятно, Саблецова удушили ремнем его собственного бинокля.

Мы стояли, не решаясь двинуться и тем самым признать свершившееся.

– Надо позвать остальных, – Аркаша не выдержал первым.

– Иди, – я поднял стул, сел. Мокрая одежда липла к телу.

Не спас дождевик. Ничто никого не спасает. Не вставая, дотянулся до бинокля.

– Осторожно! Там могут быть отпечатки пальцев!

– Дождь идет много часов, – я не смотрел на Нимисова, не смотрел на Анатолия. Не смотрел никуда.

Когда Саблецова укладывали на носилки, из руки отделился и упал на землю темный предмет. Я подобрал его. Пешка. Пластмассовая черная пешка. У меня был когда-то такой комплект. Подарок на день рождения в пятом классе.

С биноклем в одной руке и со стулом в другой я плелся за всеми.

В обеденном зале Олег и Юра замешкались в нерешительности.

– Кладите на пол, – распорядился Нимисов.

Я замёрз. Дрожь пробирала, откатывалась в глубь тела и замирала, не исчезая.

– Я полагаю, нам необходимо обсудить, что следует предпринять, – голос Страчанского – единственное, что осталось сухим вокруг. – Для начала переодеться и согреться. Петр Иванович, желателен крепкий кофе или чай.

Ох, как желателен.

Я переменял белье на шерстяное, поверх – тренировочный костюм.

Запах гари стелился из галереи. Пропала мамалыга. Я снял котёл, поставил на стойку. Не Ватель, переживу.

Заварив крепчайший кофе, я вытащил из шкафа узкую бутылку «Молдовы». Действие сухого закона приостановлено.

В обеденном зале уже ждали.

– По тридцать граммов, – рука тряслась, как у киношного алкоголика.

– Нас с Александром Борисовичем увольте, – Нимисов вытащил из кармана куртки золотое яйцо, развинтил, свинтил – получились две крохотные рюмки. Их другого кармана явился хрустальный флакон. Острый запах разнесся по комнате.

Вместе со Страчанским они приняли снадобье. *Suum cuique*.

Коньяк согрел – и только. Дрожь звенела в душе, но тело освободилось от неё.

Мы сидели за столом – шесть человек. Седьмой лежал в углу, и каждый избегал смотреть в ту сторону.

– Итак, произошло убийство, – Страчанский говорил ясно и твёрдо.

– Или два, – я добавил граммов пятнадцать. – В свете новых событий гибель Комова выглядит не такой простой.

– Следовательно, среди нас убийца, – Александр Борисович не стал спорить из-за количества.

– Убийца может быть один, или их несколько. Он или они могут быть здесь, а могут и вовне, – коньяк привычно развязал мне язык.

– Вовне? – Страчанский поднял бровь.

– Почему бы и нет? Мы не на необитаемом острове. В округе может укрыться полк.

– Но зачем? – Олег задал главный вопрос.

– Не знаю. Развлекаются, тренируются. По злобе. Просто так. Сейчас для убийства не требуются мотивы Достоевского.

– Для нас важнее решить, что нам делать, – Александра Борисовича всегда отличало умение отделять главное от второстепенного.

Подал голос Юра:

– Уходить нужно. Срочно. Где бы ни был убийца, среди нас или снаружи – оставаться опасно.

– Я тоже так считаю, – согласился Страчанский.

– Тогда остается решить, как уходить. Придет машина – все просто: грузимся и уезжаем. Но её пока нет. Может, и не будет – оползень на дороге, или ещё что-то в этом роде. Мы здоровые люди. Даже по такой погоде часов за десять дойдем до Харыза. Сейчас восемь утра. Если выйдем в девять, успеем пройти путь засветло. По крайней мере, наиболее сложную часть. В Харызе сообщим о случившемся властям – мне кажется, Петр Иванович прав, убийца может быть местный.

– Бежать от убийцы? – Олег, опершись о стол, навис над Юрием.

– Я не меньше твоего хочу узнать, кто он и где. Но рассуди – если он в горах, мы его никогда не возьмем. А он нас в любой момент. Если же он среди нас, то – кто? Ты знаешь? И сидение здесь на пользу не пойдет. Перегрыземся, подозревая друг друга.

Верно изложил. Невысказанным, правда, осталось то, что главная, вернее, единственная цель нашего пребывания здесь – подготовка Александра Борисовича к матчу. И шале теперь попадает в список абсолютно непригодных мест.

Совсем бредовая мысль – а вдруг это любовь? Любовь и ревность? Ухлопал неверного любовника и его... как там они называются... пусть тоже любовника. А теперь – ходу. Пусть парни в горах отвечают.

На девяносто девять процентов – чушь.

Страчанский подвел черту:

– Я думаю, это верное решение. Придет машина – отлично. Нет – дойдем сами. Встретим в пути. В самом неблагоприятном случае – если из-за оползня дорога непроходима – вернёмся.

– И что тогда? – Олег с трудом сдерживал злость. Ему привычнее встречать опасность лицом к лицу. Только где у неё лицо? Кругом полная... ну, вы поняли.

– Тогда и подумаем.

– А что делать с... с телом? – Аркаша сделал крохотный глоток коньяка, поморщился.

Ответ у Юры был.

– Необходимо сохранить. Поместим туда же, куда и Комова. Предстоит следствие – в той или иной форме.

Вот именно – в той или иной. Вряд ли приходится ожидать действий по всем правилам криминалистики. Не те времена.

Юрий подошел к носилкам:

– Олег, помогай.

Нимисов придержал дверь, выпуская ребят. Двери в шале могучие, толстые, дубовые, с металлическими лапчатыми полосами. И окна забраны узорными решетками. Сейчас привычно и даже приятно, безопасность, а прежде... Предусмотрительными были хозяева.

– Я приготовлю завтрак на дорогу.

– Постарайтесь что-нибудь попроще, у нас нет времени.

Кофе, омлет, тушенка, молоко – на все ушло двадцать минут. Пора собираться.

Одежда. Книга – одна.

С рюкзаком я вернулся на кухню. Ножи – обязательно. В порядке конверсии мне их смастерил один пациент. Уверял, что космическая сталь. Острые – невероятно. Еще трехслойная кастрюля.

Ну, залезай же...

Через четверть часа, обескураженный, я не собрал и половины желаемого. Считаешь себя нищим – попробуй переехать, говорят мудрые грузчики.

– Петр Иванович, ну зачем вы это берете? В любом случае, мы всё вывезем, не сейчас, так потом.

Вывезем. Куда? Где мой дом? Виноградник, пусть крохотный? Чемодан – вокзал – Россия.

– Позовите остальных, Александр Борисович. Сухой паек получать.

Термос – пять литров кофе с коньяком, – я вручил Нимисову. Отказаться он не решился. Кое-какие пустячки захватили Олег с Аркашей. Осталось так много всего – сковороды, казан, кастрюли...

Холод, дождь и ветер разбудили дрожь. Ничего, разойдусь и согреюсь.

Сзади, замыкающим, шёл Олег. Не позавидую тому, кто захочет подкрасться.

Серо-коричневый Желчуг выбухал из русла. Мостик трепетал над ним, как бельевая веревка на заднем дворе.

Шествие стало.

– Погодите, я первый, – Юра двинулся по полотну.

Ударил ветер – резко, жёстко, мост приподнялся, щелкнул, изгибаясь, пастушьим кнутом, и – разорвался.

Пологой дугой падал Юра в Желчуг. Его желтая нейлоновая куртка то исчезала, то вновь показывалась среди пенных потоков. Я бежал вдоль берега, стараясь не потерять Юру из виду, но далеко отстав от Олега. Сброшенный им на ходу рюкзак попал под ноги, и я упал, распоров о камень вытянутую руку.

Теперь и мне пора снять рюкзак.

Когда я поднялся, все стояли на берегу. Юру выбросила река, круто поворачивающая здесь на восток.

Олег с Нимисовым делали искусственное дыхание, бестолково, неслаженно.

Я заменил Олега – Нимисов, как-никак, имел отношение к медицине. Врач-психолог, кандидат наук. В Москве в подземных переходах дипломов много...

Дыша за Юрия, я следил за его зрачком, надеясь, что сузится, оживая. Сердце не запусклось. Три толчка – вдох, три толчка – вдох. Ещё и ещё.

Бесполезно. С самого начала бесполезно. Он умер в реке, похоже, ударился головой о подводный камень, и течение несло уже безжизненное тело.

Мы переглянулись с Нимисовым.

– Кончено, – остановился я.

– Да, смерть необратима, – Нимисов поднял руку, помогая встать.

– Неужели вы не можете ничего сделать? – Олега трясло от бессильной ярости.

Нимисов пристально посмотрел ему в глаза, слегка раскачивая головой и беззвучно шевеля губами. Прошло несколько секунд – и Олег обмяк, с лица сползла напряженность.

Я подставил руку под дождь. Кровь вяло сочилась, смываемая водой.

– Что с вами?

– О камень поранился. Пустяки, вернемся – перевяжу.

– Ключ у Юры в кармане, – Олег говорил вяло, блекло.

– Достань, – просто скомандовал Нимисов.

Олег наклонился, пошарил в кармане куртки. – На булавке прищиплен, – бесстрастно комментировал он. – Мешает что-то, – он вытащил пластмассовую фигурку. – Шахматный конь, – снова полез в карман и достал, наконец, ключ.

Я взял фигуру здоровой рукой. Черный конь. Из того же комплекта, что и пешка.

– Я посижу пока, – Олег опустился прямо на мокрую землю.

– Сиди, – Нимисов посмотрел на меня, сказал вполголоса:

– Скоро он восстановится.

На ходу я подобрал свой рюкзак, повесил на одно плечо. Неудобно, но идти недалеко.

В коридоре перед обеденным залом лежали носилки.

Аркадий засмеялся – сначала тихо, повизгивая, но смех набирал силу, и вскоре он перегибался от хохота, вытирая тылом кисти выступающие слезы.

– Таскать нам, не перетаскать! – сумел выговорить он и снова зашелся смехом, – таскать – не перетаскать!

Я взял его под локоть.

– Пошли.

Он подчинился, продолжая хохотать.

В кухне я налил стакан воды, подкапал валерианки.

– Н-не перетаскать, – зубы стучали о стекло, жидкость струилась по подбородку, но он сумел допить остаток, после чего затих.

Промыв рану, я положил гемостатическую салфетку и натянул сетчатый бинт. Заживет – если успеет.

Аркадий овладел собой.

– Не пойму, что на меня нашло. Истерика, наверное.

– Точно. Случается. Идем переодеваться. Осталось во что?

– Осталось.

В обеденном зале одиноко сидел Александр Борисович.

– Нимисов понес носилки. Решили сразу – на ледник.

Я достал из кармана фигурки – пешку и коня.

– Не ваши, случайно?

– Нет.

– Мы пользуемся Стаунтоновскими комплектами, – добавил Аркаша.

Я положил фигурки на стол.

– Неплохо бы растопить камин. Под навесом я видел дрова.

– Я принесу, – Аркаша боялся остаться без дела.

– Давайте вместе, – неожиданно предложил Страчанский.

– В южной стороне, под пленкой, – объяснил я.

Одиночество меня не прельщало, и я выглянул наружу, полагая, что больше вымокнуть некуда.

Оказалось – есть куда.

Нимисов с Олегом возвращались. Я пошёл за ними.

Подвал-холодильник располагался на бугорке, входом на север.

Ручьи огибали его стороной, дренажная канавка не давала воде проникнуть внутрь.

Низкая дверь, крутые каменные ступеньки – и холод, дхнувший навстречу.

В полумраке я увидел, как в дальнем углу на стлани из опилок лежали два тела – Комова и Саблецова, рядом укладывали третье.

– Петр Иванович? – Нимисов поднял голову. – Мы сами управимся.

– Посмотрите, нет ли у Комова в кармане чего-нибудь.

– Документы его в селении, мы знаем.

– Все-таки гляньте.

Нимисов отодвинул глыбу льда.

– Вот – спички, брелок, игрушка какая-то. А нет, шахматный конь.

– Оставим носилки здесь, внутри, – предложил я. – Не будем беспокоить Аркадия.

– Он успокоился?

– Совершенно.

– Что вы надеялись найти в карманах Комова?

– То, что и найдено.

– Небогато.

Дом встретил дымом. Дрова занимались неохотно.

Нимисов сразу заметил фигурки на столе.

– Вот как... – он поставил рядом коня. – Да...

– Я пойду готовить обед.

– Не до обедов сейчас, Петр Иванович, – Аркаша махнул рукой.

– Именно до обедов. Необходимо придти в себя, голодный человек слаб. Мужество истекает из желудка, утверждают индейцы.

– Я с ними согласен, – подтвердил Нимисов. – Нельзя поддаваться течению событий, это разрушает наши возможности влиять на будущее.

Опять начал не говорить, а вещать.

Олег вернулся с рюкзаками – своим и Юриным.

– Я запер дверь и заложил засов. Хватит беспечности, – он явно восстановился.

На кухне я снял одежду, развесил на веранде. Высохнет когда-нибудь. Смена в рюкзаке, завернутая в пластиковый пакет, не промокла. Повезло.

Каждую вещь – ножи, кастрюли, утварь, – я разместил аккуратно и основательно.

Больше я ничего не брошу. Никогда. Благое намерение.

Жар от плиты грел.

Сегодня Нимисов впервые забыл одобрить меня. Придется пройти в его святая святых. Тоже впервые.

4. Среда, 21 час. 30 мин

– У нас нет никаких доказательств того, что смерть Крутова – результат злого умысла, – Александр Борисович говорил четко и уверенно.

Мы сидели у камина – Нимисов совсем близко, остальные поодаль. Дым давно вытянуло в дымоход, стало тепло, дождь за окном оттенял уют комнаты. Керосиновый свет висевшей над столом лампы схлестывался на стенах с нетерпеливыми огненными отблесками каминного пламени.

Как славно было всего три дня назад: сидели, разговаривали, подкидывая изредка в пламя полешки да сосновые шишки, шевеля угли кочергой и ведя речь о возвышенном, добром и вечном.

– Все произошло на наших глазах, и я не могу утверждать, что этот, с позволения сказать, мост не разрушился от естественных причин.

– Я ходил смотреть, – Олег сидел, настороженно подобрившись, готовый в любой миг вскочить на ноги. – Течение измочалило канаты, не разобрать, подрезаны они или сами лопнули от ветра.

– Три смерти подряд. Таких случайностей не бывает. – Нимисов развернулся лицом к нам. – Саблецова убили, и никуда от этого не уйти.

Тут он точно подметил. И хотели уйти, а – не вышло.

– Но остальные случаи, не исключено, совпадения. Редкие, крайне маловероятные, но совпадения. Несчастные происшествия, никак не связанные с убийством. Это принципиально. Если все три смерти – убийства, то угроза для нас сохраняется, мало того – возрастает. Если же убийство одно, то, каковы бы не были его мотивы, не обязательно, что за ним последует другое. – Страчанский уверенно вел свою партию. – Давайте разберем единственно бесспорное преступление – убийство Саблецова. Кто мог его совершить? Любой из нас, – он спокойно обвел всех взглядом. – Есть ли у кого-либо алиби? Спим мы каждый в своей комнате, и ни для кого не составило бы сложности покинуть шале, подойти к безмятежно созерцающему небо Анатолию Яковлевичу и... – он остановился.

Олег невнятно заворчал.

– Вы хотите возразить?

– А другие, не мы – разве не могли совершить убийство?

– Могли. Более того, после гибели Крутова версия убийства извне выглядит предпочтительнее. Если мостик был действительно поврежден заранее, в ночь смерти Саблецова, то убийца не мог знать, кто на него ступит первый. Следовательно, цель – не отдельная личность, а вся наша команда.

– А находки Петра Ивановича? Шахматные фигурки? – подал голос Аркадий.

Страчанский сплел пальцы кистей. Волнуется.

– Вы думаете, это подпись, вроде «черной кошки»? Знак преступника?

– Да. И тогда он среди нас. Юре никто другой не мог подкинуть коня, – Аркаша подвинулся поближе к камину. Рефлексы первобытных веков – в опасности быть у огня.

– Аркадий Иосифович, допустим, допустим, вы прогуливаетесь, и на скамейке перед домом видите фигурку. Скорее всего, вы положите ее в карман, а потом забудете за иными делами. Это, конечно, только пример, но я не стал бы придавать шахматным фигурам слишком большое значение. Играли в «чапаевцы» и машинально рассовали по карманам лишние фигуры.

Пора и мне сказать что-нибудь умное.

– Мы будем метаться от одной догадки к другой, пока не выясним мотива: кому выгодна смерть Комова, Саблецова, Крутова? В чем смысл происходящего?

– Вы сами, Петр Иванович, утром заметили, что в наше время глубоких мотивов не требуется, – в голосе Страчанского мне послышалась ирония.

– Мотив может быть неявственен для окружающих – из-за неочевидности, нелепости, дикости. Но для самого убийцы он ясен и логичен, – попробовал оправдаться я.

– Я с вами согласен, – опять поддержал меня Нимисов. Начинаю к этому привыкать. – Мы проходим мимо мотива в силу ограниченности, обыденности мышления. Приземленности – в переносном и прямом смысле этого слова. Мы выбираем: убийца либо один из нас, либо человек извне. А если допустить, что он извне, но – не человек?

– Как это? – Александр Борисович и не пытался скрыть удивления.

– Давно идет спор о существовании снежного гоминоида. Имеются достоверные свидетельства, фотодокументы. Но есть и серьезные возражения: малые популяции нежизнеспособны, а будь они большими, кого-нибудь давно бы поймали. Ведь прочесывали подозрительные районы, но – никого. Противоречие исчезает, если допустить, что снежный человек – не постоянный обитатель Земли, а визитер. Инопланетянин. И на Земле находится в кратковременной экспедиции. Привязанность его к высокогорью, где разреженный воздух и низкая температура, наталкивает на мысль о марсианах, хотя пришельцы могут быть и из иных, неведомых нам миров. По определенным причинам снежные люди не используют технические средства – скафандры, оружие. Возможно, это особенности их мышления, религии или этики. Земля для них вроде особых угодий, где недопустимо использование оружия. Неспортивно. Поэтому наши товарищи и погибли по земному.

– Но зачем им убивать людей?

– Зачем убивают лис и куропаток? Предположим, это эквивалент охоты. Но я думаю, они хотят завладеть не физическим, а астральным телом человека. Существование такового признала даже официальная наука. Астральное тело покидает физическое и первые дни после смерти – до сорокового – остается поблизости, уже свободное от плоти. Этим я и хочу воспользоваться.

– Как? – Аркаша с ужасом и восторгом смотрел на Нимисова. Нашел-таки вождя.

– Завтра утром я постараюсь установить контакт с астральными телами погибших и выяснить, кто убийца. Если это пришелец, я заблокирую астральные тела, привяжу их к Земле и тем самым сделаю бессмысленными попытки дальнейших покушений. Если же это обычный человек, мы примем меры предосторожности.

– Вдруг убийца – кто-то из нас? – Аркаша нервно оглянулся вокруг.

Нимисов подошел к камину, протянул, греясь, ладони к огню.

– Тогда нам предстоит тяжелое решение.

Я почувствовал себя неуютно. Легкий скепсис Александра Борисовича, тревога Аркадия, настороженность Олега не перевешивали главного – они верили! Или хотели верить, что в данном случае одно и то же.

Неудивительно. Синдром Распутина-Лаутензака. Колдуны стали повседневным явлением – изгоняют по телевизору бесов, заряжают воду, оживляют мертвецов, ищут разбившиеся самолеты. Готовят к чемпионату мира гроссмейстеров.

– Предлагаю установить дежурство на ночь. Мало ли, – предложение мое было не ахти, но все же...

– Верно, Петр Иванович. На нас могут напасть и в нынешнюю ночь, – в раздумье проговорил Нимисов.

– Дежурить будем по два часа – с полуночи до шести утра. Нужно три человека.

– Я хочу начать первым, – с готовностью ответил Аркаша.

– Олег, ты как?

– Безразлично... Тогда с двух до четырех. А я последний.

– Отлично, Петр Иванович, – утвердил график Страчанский. – А следующую ночь начнем мы – я и Валерий Васильевич.

Я подумал, что никто, кроме него, не называет Нимисова по имени – отчеству. Нимисов, и Нимисов. А чаще – он. Или вообще старались промолчать.

– Во время дежурства дом не покидаем ни в коем случае. Главное – слушать и смотреть. При малейшем намеке на опасность поднимать всех на ноги.

Никто не возражал. Я посмотрел на часы. Двадцать два восемнадцать. Стоит приготовить какао и бутерброды. Ночью иногда очень хочется кушать.

На кухне я зажег конфорку. Запасной баллон газа ох как пригодится.

– Петр Иванович, вы позволите воспользоваться спиртовкой? – Нимисов стоял на пороге с колбой и пакетом в руках.

– Пожалуйста, Валерий Васильевич, – я достал спиртовку.

Он налил в колбу воды.

– Когда мне сказали, что ваша основная профессия – медицина, признаюсь, я ждал вашей неприязни и противодействия. Медики скептически относятся к непонятному. Отрицать легче, чем признать некомпетентность. Правда, среди сторонников неортодоксального врачевания действительно хватает бездарей и шарлатанов, – в ожидании, пока вода закипит, Нимисов решил поговорить. – Вот настой. В его приготовлении первостепенное значение играют вода и огонь. Если вместо горной, ледниковой воды взять речную, или, того хуже, убитую водопроводную, а вместо открытого огня пламени использовать электрическое тепло, то препарат потеряет часть свойств, – вода закипела, Нимисов снял колбу с огня, бросил в нее несколько сухих листьев. – Или другой пример. Вы, наверное, задавались вопросом – что я и Александр Борисович принимаем перед едой. Ответ прост настой из рогов оленя, пантов. Но не фабричный минмедбиопромовский, или, того хуже, китайский на экспорт. Я готовил его по древним рецептам: долго искал оленя – обязательно нервного, чуткого; сам спиливал панты – по живому, вместе с частью черепа, захватывая мозг. Животное в муках гибнет, но как раз выброс гормонов перед смертью делает препарат действительно целебным, пробуждающим все резервы организма. Хранить надо обязательно во флаконе горного хрусталя, иначе препарат быстро потеряет силу, и принимать – из золотой посуды. Официальная медицина таких тонкостей не знает и не желает знать.

Я резал хлеб.

– Здесь я не врач, а повар.

– Вы прекрасный повар, Петр Иванович. Но я вам предлагаю ехать в Мехико в качестве врача. Мы можем сотрудничать. Александр Борисович даёт согласие, более того, он заинтересован в вас. Не спешите принимать решение, определитесь по приезде в Москву. Но знайте – вы в команде, – он покачал колбу. – В Китае эту траву называют «уши ушедшего мира». Сбирать ее следует только во время майского полнолуния на могиле повешенного. Иначе получится просто желчегонное средство, – он испытующе посмотрел на меня. – Нас ждет интереснейшая работа. Не только во время турнира, турнир – эксперимент, неплохой гроссмейстер становится чемпионом. Но главное – потом. Подумайте, – он притворил за собой дверь.

И откуда только берутся корифеи парамедицины? Самозарождаются, мутируют под влиянием климатических и пищевых факторов или выпекают их в подпольных пекарнях?

Термос и блюдо с бутербродами я разместил на подносе.

Я шел, оставляя за собой закрытые двери. Борьба за живучесть продолжается в каждом отсеке.

Поспел к моменту расставания. Марш, марш по палатам. Отбой.

– Постараемся выспаться. Завтра потребуются неутомленный мозг и ясность сознания, – напутствовал нас Нимисов.

Сладких снов всей честной компании.

Аркаша налил какао в чашку.

– Дождь на убыль пошёл.

Я прислушался. Похоже, так и есть.

– Идите спать, Петр Иванович.

– Недалече, успею.

С чего это Нимисов такой ласковый? Бдительность притупляет, а сам штык точит? Или гораздо банальнее – расплюемся мы, пойдет следственная канитель, и прости – прощай, Мехико? Времени осталось всего ничего, не месяцы – недели. Вот он и сплачивает команду посулами. Что он другим обещал? Он или Страчанский?

– Чего от будущего ждешь, душа моя, на что надеешься?

– Александр Борисович решил заканчивать подготовку в Москве. А дальше – Мехико.

– Нет, лично твои планы.

Он улыбнулся.

– Александр Борисович обещал устроить приглашение в хороший турнир, в Гастингс. За счет организаторов. Знаете, как сколько стоит туда попасть?

– Трудно? Я думал, наоборот – легко теперь.

– Приехать в Гастингс легко, а в главный турнир попасть – ой-ой. Труднее, чем раньше. Таких, как я, в Европу пропасть хлынула – мастеров с невысоким рейтингом. Отхватят призы, отгрызут коэффициент и ходу дальше. С деньгами западники расстаются неохотно, а с коэффициентами и того тяжелее. Препоны ставят, отборочные «опены», просейся через них. Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко. Опять же взносы, проживание... А секунданта Александра Борисовича пригласят персонально, а уж там я им покажу!

Угадал. Аркаша тоже на крючке обещания.

– Я рад, что оставляю тебя в столь светлом расположении духа. Покойной ночи!

Дверь из комнаты в общий зал тоже могучая. Через решетку окна пробиться без ацетиленового резака невозможно. Да и вообще, в доме пока никто не погибал.

Я настроил будильник и улёгся.

Допустим, дождь прекратится – когда за нами приедут? Или придется ждать, пока спадет вода в Желчуге и переправляться самим?

Гуси– гуси! Га-га-га! Есть хотите? Так летите!

У меня в запасе есть очень недурной гусик. Надо подумать. Он у меня – ultima ratio.

5. Четверг, 5 час. 40 мин

Вершина горы розовела. Мировой слёт фламинго. Небо чистое. Жаль, я не художник, впечатляет. Изобрести, что ли, торт с длинным названием: «Снежная вершина горы Риз в лучах утреннего солнца», на японский манер.

Нимисов показался на пороге:

– Я готов.

Мы благоговейно молчали. Предстояла схватка за астральные тела, и Валерий Васильевич – единственная наша надежда.

– Помните, вы должны быть мысленно рядом. Я очень рассчитываю на вашу ментальную поддержку.

Чрезвычайно экстравагантный метод сплочения команды.

Мы направились к погребу-леднику.

Олег открыл дверь.

– Проверю, нет ли кого.

Слышно было, как он зажигает внутри спички, звякает «летучей мышью».

Мы стояли в пяти шагах от входа.

– Когда я войду внутрь, прошу всех отойти на сорок метров, – отрешённый голос Валерия Васильевича, надо признать, производил впечатление. Веяло от него потусторонним, таинственным.

Олег вернулся.

– Ни единой живой души, – криво усмехнулся он.

Нимисов загасил фонарь. Свет ему не нужен, он, как кошка. Или леопард. Не оборачиваясь, он скрылся в проеме двери. Олег прикрыл её, и мы почтительно удалились. Там, во мраке ледника – склепа решалась наша судьба.

Я отошел в сторонку, сел на пенек. Сыро.

Люди хотят чуда – их право. Я портить компанию не стану.

Отдает трагедией голубого Отелло. Никаких доказательств. Но так славно укладывается: изменники наказаны, а в финале – самоубийство на мосту, замаскированное под несчастный случай.

Подошел и Олег, устроился на корточках.

– Думаете, у него что-нибудь выйдет?

– Как знать... Что-нибудь всегда выходит.

– Если и есть тут пришелец, так это он сам, – огорошил меня Олег. – Гипнотизирует, видения вызывает.

– Так уж и видения?

– Я видел, знаю. Только говорить не хочется, – он сорвал травинку, разглядывая ползущую по ней гусеницу.

– Дождя не будет. К вёдру.

– Ты уверен, что русские приметы действительны здесь, на Кавказе?

Но сбылось бы. Очень хочется вернуться в город, оставить позади колдовство в набитом трупам погребу, всбесившуюся реку. В горы больше ни ногой. До будущего лета.

Дадут летом отпуск, нет? Вряд ли. Или плюнуть на больницу и окончательно перейти в «Нистру» поваром? Ионел давно зовет.

Как же я про Мехико забыл, я ведь теперь – основная команда. А за Мехико – Кейптаун, Токио. Личный повар чемпиона. Личный ассистент великого Нимисова. Личная фистульная собака академика Павлова. Разбогатею. Обзаведусь частной собственностью. Кафе куплю, «Каса Марэ» господина Денисова. Только по предварительной договоренности. Я такой!

Деньги сыпались к деньгам, и лишь открывая шикарный ресторан в кратере Тихо на пару с Денисом Тито, я спохватился. Полтора часа сижу на пеньке, солнышко успело одарить ультрафиолетом сверх всякой меры. А Нимисова нет.

Блицкриг затягивался.

Олег дремал, Александр Борисович переговаривался с Аркашей. Заметив мой взгляд, они подошли.

– Валерий Васильевич говорил мне, что ему понадобится от сорока пяти минут до часа.

Олег открыл глаза.

– Я пойду, гляну.

– Вам не стоит. Лучше я, – сказал Страчанский.

Не быть мне богатеньким. С каждым шагом Страчанского рушилась моя кулинарная империя, пропадали рестораны, закрывались котлетные. Последней канула Каса Марэ. Ларивидери.

Скрипнула дверь, и Александр Борисович сошел вниз, в холод и мрак, сошел для того, чтобы через несколько секунд предстать извергнутым и растерянным.

– Опять, – меланхолично вторил моим мыслям Олег.

Страчанский жестом призвал нас.

– Он... лежит... не шевелится... – произнося эту короткую фразу, Александр Борисович дважды проглотил слюну.

Со вновь зажжённым фонарем Олег нырнул в проем первым, я за ним. В кильватере.

– Они победили, – глухой голос Олега отозвался мурашками по коже. Или просто холодно?

Взяв фонарь из его рук, я осветил Нимисова. Багровое, налитое кровью лицо, синюшно-красный язык, пальцы, зарывшиеся в опилки. Пламя отражалось в бездонных зрачках.

Никаких признаков жизни. Тело быстро остывало – ледник же. Во всяком случае, он мертв не менее часа. А то и все полтора.

Рядом с Нимисовым лежали золотая рюмка и хрустальный флакон, раскупоренный, опрокинутый, но сохранивший часть содержимого.

– Олег, одолжи носовой платок.

Своим я осторожно взял пробочку и заткнул флакон, затем переложил его и рюмку в платок Олега. Вещественные доказательства.

Нагрудный кармашек льняной рубахи Нимисова оттопыривался. Не было этого, когда мы шли сюда. Обречённо обернув руку платком, я вытащил черного слоника. Еще один любитель игры в чапаевцы. В остальных карманах пусто.

Я опустил веки на глазах Нимисова. Больше для него ничего нельзя сделать.

Холодная рука легла на мое плечо. Я вздрогнул, но это был только Страчанский.

– Ужасно.

Я не ответил. Повезло, что ледник вместительный. Заложили льдом в расчете на охоту. Но сей сезон – охота на людей.

– Пройдёмте отсюда.

Я поднимался последним. Оглянувшись, бросил взгляд назад. Обернешься – не вернёшься.

Солнечный, ослепительный свет, теплый, ласковый воздух.

Облегченный вздох Аркадия.

– Я боялся, вы все...

Страчанский не выказывал ни малейшего следа давешней растерянности.

– Ваше мнение, Петр Иванович?

– Какое мнение. Умер. Как спустился вниз, так и умер.

– Причина?

– Пришельцы достали, – саркастически ответил за меня Олег.

Аркаша нервно посмотрел на дверь погреба. Уж как повылазят, такое начнется!

– Давайте пройдем в дом, – предложил он.

– Я кое-что нашел, – я поднял руку с узелком. – Посмотрим в спокойной обстановке.

В спокойной – значит, в обеденном зале, светлом, просторном. За столом – четыре человека. Половина от команды.

Я поставил узелок на стол.

– Не прикасайтесь, пожалуйста, я сейчас вернусь.

На кухне у меня были перчатки – латексные, хирургические. Восемь с половиной, мой любимый размер. В них пол удобно мыть. Но по такому случаю я взял новую пару. И – глоток-другой коньяка, мягкого, нежного. Дева босиком по душе прошла.

На левую руку перчатка налезла с трудом – мешал бинт.

– Вот мои находки, – я развернул узелок. – Шахматный слон черного цвета, флакон с таинственной жидкостью и рюмка. Натюрморт. Почти каламбур, – коньяк ударил в голову.

Никто не откликнулся на шутку. Не каждому доступна соль.

Аркадий сидел в печали, Олег – хмурый и злой, и лишь Страчанский с интересом наблюдал происходящее.

– Версию о людях из леса пора выбросить на помойку. Причина смерти – отравление, причем отравление классическое. Цианид. Об этом свидетельствует картина смерти.

– Никто отравить Нимисова не мог. Он нас и близко не подпускал к своим склянкам, – буркнул Олег.

Аркадий согласно кивнул.

– Я рассчитываю, что на флаконе, рюмке и фигуре сохранились отпечатки пальцев убийцы. Мы сбережем их для следствия.

Страчанский улыбнулся – улыбкой человека, выздоравливающего после тяжелой операции.

– Похоже, Петр Иванович, вы разгадали загадку.

Странно. А я и не заметил. Наоборот, моя версия рассыпалась. Хорошо, хватило ума держать ее при себе, не клеветать на покойников.

– Рискну предположить, что будут найдены отпечатки одного человека – Валерия Васильевича, – продолжил Страчанский.

– Ага. Убийца тоже был в перчатках, – понимающе молвил Аркаша.

– Нет. Он в них не нуждался, – Александр Борисович сделал паузу.

– Пришельцы? Силой биополя?

– Оставим пришельцев газетам. В данном случае убийца совершил самоубийство.

Я чувствовал себя зрителем спектакля, и жалел, что сделал два глотка коньяка, а не три. Лучше пять.

– Я подозревал, что кто-то работает против меня. Но кто?

– Зачем кому-то работать против вас? – невежливо перебил Страчанского Олег.

– Мы искали мотив. Он самый банальный, потому сразу и не пришел в голову. Деньги. Большие деньги. Я, объективно оценивая шансы, фаворит. В конце концов победителя ждут миллионы, и кое-кто решает убрать меня с дороги и подкупает человека из моего окружения. Самого, по его мнению, доверенного. Я имею в виду Валерия Васильевича Нимисова.

Нимисов – очень хитрый человек. Он мог бы своими зельями попытаться притупить мой интеллект, но это противоречит его далеко идущим планам. Духовному наставнику негоже, чтобы его подопечный проигрывал. И он решается убить несколько человек, чтобы все мы, и я в том числе, попали под следствие. С помощью шахматных фигур создается образ маньяка-убийцы. Не удивлюсь, если бы он сфабриковал против меня улики. Я не попадаю на турнир и оказываюсь отстраненным от борьбы в самом начале. Потом бы он подкинул и другие улики,

более веские, против любого из присутствующих. Я, обелённый, на свободе, но вне игры, и он выполняет свое задание, не компрометируя себя в глазах возможных последователей.

– Не верю, чтобы Нимисов мог одолеть Комова, – твердо сказал Олег.

– Он с ним и не сражался. Просто подошёл и попросил посмотреть вниз со скалы. И столкнул. Неожиданно, вероломно можно справиться с любым гением карате. Мы не насторожились, и он убивает Саблецова. Третью смерть мы обсуждали. Кстати, он и подложил фигурку Крутову во время массажа сердца.

– Для чего? И вообще, зачем ему кончать с собой, если все у него получалось? – наконец, вставил слово и я.

– Вчера вечером я зашел к нему в комнату. Он отсутствовал.

– Наверное, готовил у меня на кухне отвар.

– Может быть. Так вот, я случайно задел шкафчик, и сверху свалилось вот это, – он достал из кармана полиэтиленовый пакет.

– Фигуры, – разглядел Аркадий.

– Да, пешка и король из того же набора, что и найденные на убитых. Думаю, он готовился подбросить их кому-нибудь – как ложную улику. Мне, например. Я их перепрятал. Вернувшись и обнаружив пропажу, он понял, что разоблачен. Человеку его самомнения крушение планов перенести невозможно, и он решил уйти красиво и таинственно, обставив смерть, как очередное загадочное убийство.

Лицо Аркадия посветлело.

– Это логично.

– Это правда, – Александр Борисович опять улыбнулся, ясно, широко.

Мы прошли сквозь серьезные испытания, но вышли из них, обретя силу и мужество. Петр Иванович, сберегите вашу находку. С её помощью, я уверен, мы без труда подтвердим истинность нашей версии случившегося.

– А вдруг, – медленно начал Олег, – Нимисов подсыпал яда в продукты? Мы обедаем и дружно умираем. Концовочка!

– Я всегда закрываю кухню на ключ.

Страчанский на секунду задумался.

– Открыть кухню не проблема. Учитывая обстоятельства, нам стоит ограничиться консервами. Не хмурьтесь, Петр Иванович, я надеюсь, мы не раз еще будем иметь возможность наслаждаться вашим искусством. Итак, наваждение кончилось. Аркадий Иосифович, не стоит терять времени, я хочу вернуться к нашим занятиям.

Как в добрые недавние времена они поднялись на второй этаж.

Я сложил узелок в пакет и снял перчатки. Пора менять повязку. Кровит.

Олег покачал головой.

– Складно-то оно складно. Но советую быть начеку.

Я промолчал, но про себя согласился. Крайне сомнительно существование пришельцев – убийц. Но мне казалось абсолютно невозможным, чтобы Нимисов совершил самоубийство.

Я вспомнил вчерашний день.

Легче поверить в восставших мертвецов.

6. Четверг, 17 часов 40 минут

Бросок – и палочка, мелькнув, исчезла в грязных потоках бешеной реки. Любимая игра Винни-Пуха.

Вчера, кажется, воды было больше. Или нет? Никто не замерял.

Полчаса сижу, развлекаюсь. Смотритель уровня Среднего Желчуга.

На том берегу – никого. Не спешат зарабатывать доллары.

Скорее, не могут. Пройдет контрольный срок – придут горноспасатели, Юра успел договориться. То-то удивятся мужики.

– Подлец этот Нимисов, – прервал молчание Аркаша. – С самого начала я его подозревал. Завел нас на погибель – ни телефона, ни рации. «Деформирует естественную структуру биополя», – непохоже передразнил он. – Батарейки ему мешали, при свечах да лампах живём, провоняло всё керосином. Нет, чтобы фонарик включить, чиркай спички.

Ай– ай– ай. Вчера смотрел на бедного Валерия Васильевича, как на мессию, а сегодня – смело кроет правду–матку в лицо.

Покойнику.

– Не гневайся, Аркадий. Оглянись вокруг, в городе тосковать будешь по красоте.

– Затоскуешь, – он поднял камешек, швырнул на другой берег. Долетел.

– Успешно потрудились? – мне, безработному, до всего есть дело. Консервы каждый открыть способен.

– Нормально. У Александра Борисовича нервы стальные. Такого человека подвести хотел, козёл паршивый!

Фу! Распустился Аркаша.

– Есть хочется. А после консервов изжога мучит, соды попить нужно. У вас не найдется?

– Найдется, почему не найдется. Не боишься, что он в нее калия цианистого подмешал?

– Он способен, мерзавец. Одно доброе дело сделал – подход на месте. Таскать не пришлось, – Аркаша хихикнул. Пунктик у него формируется насчет таскать.

– Никто не приедет сегодня. Поздно. Пойдем, пройдемся. Я шел вдоль берега, а рядом бубнил Аркаша, обнаруживая у Нимисова новые и новые отвратительные качества. В конце концов, мне это надоело.

– А вдруг он возьмет и придет к нам, Нимисов?

– Шутите, Петр Иванович, – он побледнел прямо на глазах. – Шутите...

– От него всего можно ждать. Впал в летаргический сон, мнимую смерть. На Востоке и не то умеют. Ты избавлению радуешься, а он лежит и копит злобу, – говорил я убедительно, серьезно, самому страшно стало.

– Надо связать его, Петр Иванович. Или разрубить. Верно, разрубить на куски.

– Вот тогда нас наверняка посадят.

– Ну, связать покрепче.

– Для такого от оков освободиться – раз плюнуть. Про Гудини слышал?

– Что же делать? – он остановился, не решаясь идти дальше.

– Меньше говорить о нем. Мозг его от охлаждения чувствительнее стал к биотокам, явление биологической резонансной сверхпроводимости. Кто о нем думает, того он и чувствует, – ладно, вру я от безделья, но зачем пугаю? И, главное, отчего пугаюсь сам?

Аркадий неуверенно засмеялся:

– Сочиняете, Петр Иванович.

– Сочиняю. Да и замок на двери ледника висит надежный.

– А вдруг вы позабыли его закрыть?

– Давай посмотрим.

Идти – всего ничего. Вот мы и на месте.

Ноги сами замедлили шаг. Сердце забилося, обрело звучание. Не может быть! Галлюцинация!

Аркаша вцепился в мою руку:

– Стойте!

Дверь раскрыта, а из погреба доносился шум шевелящихся тел.

Я высвободился и, с трудом отрывая ноги от земли, направился к леднику. Накликал на свою голову, теперь расхлебывай.

Ближе и ближе. Если что – я бегать горазд, ого!

Я попытался разозлиться. Вот я тебе, падаль поганая!

В три прыжка подскочив к двери, я захлопнул ее и трясущимися от спешки и волнения руками начал навешивать замок.

Топот, удалявшийся по направлению к шале, я отметил автоматически. Аркаша дал деру.

– Эй, кто там! – голос изнутри. – Что за игрушки!

Олег. Конечно, Олег.

– Откройте же дверь! Темно!

А это Александр Борисович.

Я распахнул дверь.

– Петр Иванович, это вы?

– Кому же еще быть.

Страчанский вышел, держа в руке лампу. Темно, темно... Страшно, а не темно.

За ним показался Олег.

– Нам пришла в голову идея повнимательнее осмотреть ледник. Записку искали. Вдруг все же Нимисов оставил ее, это бы упростило дело. Днём не сообразили, не до того было.

– Нашли?

– Увы, нет.

Олег дважды повернул ключ в замке.

– Аркадий Иосифович с вами гулял?

– Только что назад пошел.

Мы брели неторопливо, дневное оживление покинуло нас. Не удивительно: Александр Борисович с Олегом опять посетили мертвецов. О себе и не говорю.

Дверь в шале оказалась запертой.

– Странно, – Олег подергал ее. – На засов заложено, – он постучал кулаком. – Аркаша, открывай! Свои!

– Я попробую через кухню, – дурак, кретин, нашел объект для шуток. Я прошел галерею, вышел в обеденный зал, отодвинул засов и впустил остальных.

– Что это с Аркадием Иосифовичем?

– Нервы шалют. Мы порассуждали, не мог ли Нимисов впасть в мнимую смерть с помощью своих снадобий. Подходим к леднику, слышим – внутри кто-то ворочается. Он и испугался.

Страчанский покачал головой:

– Ну и фантазии же у вас!

Я громко позвал:

– Аркаша, где ты?

– Сюда, сюда, Петр Иванович! – голос доносился сверху. Я поднялся на второй этаж. В приоткрытой двери белело лицо Аркадия. – Быстрее!

– Отбой тревоги. Это Александр Борисович с Олегом ревизию в погребе делали.

– Аркаша, спускайся! – зычный зов Олега подтвердил мои слова.

– Иду, – он приоткрыл дверь, на цыпочках подошел к лестнице. – Его нет?

– Кого?

– Его... Нимисова, – он с трудом произнес имя.

– Нет, конечно. Нимисов умер. Навсегда.

– Я так и знал, – Аркаша порозовел, смело ступил на лестницу.

Помедлив, я пошел за ним.

– Петр Иванович, чего бы покушать? – Аркаша, забыв про изжогу, развалился за столом, горделиво поглядывая по сторонам.

– Самое время, – поддержал Олег.

Я принес сосиски, картофельные чипсы, томатный сок – все консервированное. Как заказывали.

Олег вздохнул. Сам напросился.

– Ох, как я испугался! – нездоровая бодрость Аркаши грызла мою совесть. – Мертвецы ожили! Умом понимаю, что ерунда, а ноги сами несут.

Страчанский отложил консервный нож.

– Давайте сменим тему, поговорим о более приятном.

– Погода хорошая. Скоро домой вернемся. Я рыбок покормлю. Они красивые. Молчат все время, а меня понимают. Когда я приз на турнире беру, радостные – радостные меня встречают. Я им тогда корм живой покупаю, он полезный, – Аркаша зевнул. – Я спать пойду.

– Восемь всего, – удивился Олег.

– Волновался. И ночью не выспался.

– Разумеется, Аркадий Иосифович, отдыхайте. На сегодня программа исчерпана, – Страчанский сочувственно следил за Аркашей.

Тот, сгорбившись, шаркая ногами, побрел наверх.

– Нервная система Аркадия Иосифовича совсем истощена. Происшедшее очень сказывается на нём. Надо с ним повнимательнее, поосторожнее... – он посмотрел на меня.

Я собрал остатки ужина со стола и отнес на кухню. Отоспится – войдет в норму. Взрослый парень, девятнадцатый год. Пора взрослеть. Про Нимисова я зря придумал, но кто же знал, что Страчанский с Олегом в ледник полезут. Впрочем, началось у Аркаши раньше. Четыре смерти – любая психика истощится.

Моя тоже.

– Морковку не уделите? – Олег не усидел в обеденном зале.

– Сколько угодно. Вымой, бери ножик и чисть. Хочешь, пару яиц сварю всмятку.

– Можно, – он обстругал большую оранжевую морковь.

Я поставил песочные часы.

– Аркаша-то пугливый стал. Дёргается. Надо и ему подкормиться.

– Понесло вас в ледник. Станешь пугливым, – вода закипела, и я засек время.

– Я и сам через силу шел, но Александр Борисович настаивал. Давай проверим, говорит, вдруг утром в панике просмотрели записку, – он отправил в рот остатки моркови. – Не люблю мёртвых. Щемит душу среди них. Да и Александр Борисович, как ты дверь захлопнул, тоже... – он поднялся. – Потом съем яйца, сейчас расхотелось. Прилягу. Шумни, если что.

Его спина, широкая, надежная, скрылась в дверях. Успеть бы шумнуть.

Я взял тяжелый разделочный нож, взвесил. Неплохо бы держать при себе. Не поймут, перепугаются, нехорошее подумают.

С сожалением я положил нож на место.

Вообще-то у ребят есть ружья. Мало ли, время такое. Только в кого стрелять? В мертвецов?

До позднего вечера сражался я с мерзостью запустения – скоблил, чистил, мыл, стирал. Последние два дня приходилось манкировать уборкой. В одиннадцать часов и меня потянуло в сон. Заслужил. Я оглядел кухню. Можно санитарную инспекцию принимать.

Страчанский с кочергой возился у камина.

– Выставлять караул на ночь, думаю, лишнее. Важнее выспаться.

Он потянулся, – усталый беззаботный спортсмен. Я пожелал ему приятных сновидений.

А меня сон бежал. Минувший день перемалывался в голове, и я смотрел в неплотную темноту комнаты, чтобы не видеть сумятицы души. Таблеточку элениума принять? Луна полная. Неблагоприятная пора для поиска комет.

За дверью раздался треск. Сердце, как и давеча, стуком напомнило о себе. Я сел. Полено в камине, должно быть.

Босиком, бесшумно я прокрался к двери. Тихий звук сдерживаемого дыхания. Или просто игра воображение.

Бронзовая ручка двери под пальцами несколько секунд оставалась неподвижной, а затем повернулась. Кто-то пытался открыть дверь. Не выйдет.

Через пятнадцать минут замерзли ноги. Я вернулся к постели, ощупью нашел вязанные носки.

Тихо. Даже сердце замолчало. Я пошарил по столику. Подсвечник удобно лег в руку. Граммов семьсот, чугунный. Каслинское литье.

Кто? Олег, Аркаша, Страчанский?

На часах – два пятнадцать. Я вернулся к двери. Стою дурак дураком, жду, когда придут убивать.

Отодвинув запор, я рывком распахнул дверь. Никого, только потрескивает в камине толстая коряга. Но ручка двери не сама же поворачивалась!

Пойду, возьму нож-секач. С ним надёжнее.

Дверь в галерею приотворена. Самое простое объяснение – кто-то проголодался. Хотел разбудить меня, но не решился и сам тайком вторгся на кухню. Но ключи – у меня. Дубликат? Возможно. На поиски – вперед!

Ободряя себя подобной ерундой, я пробирался галереей, невидимый во тьме, неслышимый в носках.

Дверь на кухню тоже открыта – настежь. Внутри – полная неподвижность. Я ждал, пытаясь уловить хоть что-нибудь.

Ничего.

Пришел, пожрал и ушел, не потрудившись закрыть двери.

Я направился к плите – за спичками.

Попью чайку и пойду спать. Крепко– крепко.

Спичка зашипела, вспыхнула, я потянулся за свечой – и понял, почему стало тепло ногам. Я стоял посреди лужи крови.

У плиты лежал Олег, и, как маленькая скала, у края лужи черная ладья.

Спичка обожгла пальцы. Пришлось зажечь вторую. Оставляя за собой следы, я подошел к лампе. В её свете заметил легкий дымок над кровью.

Шея Олега была почти перерублена. Тем самым секачом из космической стали.

Сейчас секач лежал на краю плиты.

Убийство произошло совсем недавно. Минут пятнадцать назад. Удар нанесен сзади и сверху. Убийца зашел за спину сидевшего Олега и рубанул – сильно, точно, хладнокровно. Если он был в перчатках – на секаче только мои отпечатки пальцев.

Да уж...

Полотенцем я обтер рукоять. Снял носки, налил в таз воды и вымыл ноги. Можно звать остальных. Один из них – убийца.

Или оба.

Со свечой я пошел по коридору. Вдруг еще где кровь? Но сквозняк дунул, и я опять оказался во тьме. Ничего, дойти до камина, там огоньком разживусь.

Ноги заледенели, горло першит. Ангина грядёт...

Сильные цепкие руки обхватили меня. Я рухнул на пол и покатился, пытаюсь освободиться. До воли оставалась самая малость, когда в ногу вцепились зубы – больно и глубоко. Вурдалак проклятый. Я ударил наугад, подсвечником, удачно, челюсти разжались, но на этом мое везение и кончилось. Шея оказалась в захвате. Я немного побарахтался для приличия, пока тьма ночи не слилась со тьмой моего сознания.

7. Пятница, 2 часа 43 минуты

– На, получай! – Аркаша бил неумело, непрофессионально, но старательно.

– Прекратите, Аркадий Иосифович. Возьмите себя в руки, голос Александра Борисовича раздавался из прекрасного далека.

Я открыл глаза. Перспектива поразительная – толстые резные ножки стола и крепкие мускулистые ноги в импортных кроссовках. Рибок, спонсор олимпийской сборной.

– Очухался, гадюка! – в своем негодовании Аркаша, на мой взгляд, переусердствовал.

Я попробовал подняться. Не вышло. Руки связаны за спиной, так же по-дилетантски, зато туго.

– Помогите ему сесть.

Не скажу, чтобы помощь была оказана вежливо, но – своевременно.

Аркаша, пылая ненавистью, отошёл и расположился рядом с Александром Борисовичем. Мы сидели по разные стороны, разделенные столом – и пятью трупами.

Не так представлял я себе финал. Где свечи? хрустящие накрахмаленные салфетки? серебряные (а хоть и мельхиоровые) приборы, мейсенский фарфор? где, наконец, омары и шампанское от вдовы Клико? Один Александр Борисович не подкачал. Среди ночи – в пиджаке, под которым белоснежная рубашка, и безукоризненно завязанный галстук. Как всегда.

– Сколько вам заплатили? – Страчанский с сожалением смотрел на меня.

– Пока ничего. Обещали пятьсот долларов и неясные, но манящие перспективы.

– Пятьсот долларов? – Александр Борисович, похоже, обиделся. – Кто обещал?

– Вы и обещали. Вернее, Юра Крутов от вашего имени. За месяц поварской работы – очень недурно в наше-то время. Харчи, жильё, транспорт хозяйские...

Страчанский досадливо поморщился.

– Думал, вы не станете отпираться. Причем здесь Крутов? Я имел в виду, сколько вам заплатили за убийство?

– Дайте, я ему ещё врежу, – порывисто поднялся Аркаша.

Страчанский успокаивающе взял его за руку.

– Убийство? Вы хотите сказать, что всех убил я?

– Именно.

– Такие обвинения доказываются.

– Резонно, Петр Иванович, вполне резонно, – Страчанский незлобиво улыбнулся. – Имеются доказательства. Хотите, я расскажу по– порядку, как все было?

– С интересом послушаю.

– Смерть Комова, допускаю, действительно была несчастным случаем.

Ага. Все-таки одним убийством меньше. Осталось четыре.

– С Анатолием Яковлевичем вы порой проводили время в астрономических забавах. И той ночью вам не составило труда совершить то, что вы совершили. Затем вы поработали с мостом и вернулись к себе. Отдельный ход через кухню гарантировал незаметность. Кто станет третьей жертвой, вам было безразлично, но требовалось подтверждение, что это дело рук одного и того же человека, например, меня. Поэтому вы расставляли опознавательные знаки – шахматные фигурки. Они остались от комплекта, которым тут играли многие годы. Задним числом подсунули их Комову и Саблецову. А Крутову – в момент, когда отстранили Олега и принялись проводить искусственное дыхание. Валерий Васильевич пытался осуществить ментальный зондаж погибших. Верили вы в это и испугались разоблачения, или просто по плану пришла пора очередной смерти – но вы подсыпали отраву в средство Нимисова, благо оно

готовилось у вас на кухне. Спустившись к умершему, вы опять пометили труп фигуркой, а несколько других накануне подкинули Нимисову, чтобы навлечь на того подозрение.

Должен сказать, что я действительно считал, что Валерий Васильевич покончил с собой. Но вам не повезло – Олег заподозрил вас. Он видел, как вы заходили в комнату Нимисова накануне и рассказал нам об этом, – Страчанский говорил спокойно, выполняя свой долг, а я пытался ослабить узлы веревки. Не получается. Руки начали неметь – нарушилась циркуляция крови.

– Прямого нападения я не боялся, – Александр Борисович вытащил из внутреннего кармана пиджака тупорылый револьвер. А я гадаю, жабу он греет, что ли, – Еще в Москве, по совету Крутова, я обзавелся оружием. С некоторых пор приходится беспокоиться о личной безопасности. Но вот отравить нас вы могли.

– Это не доказательства, а рассуждения, – болела прокушенная голень, саднила растрепанная ладонь.

– Будут и доказательства. Этой ночью я не спал, и слышал, как внизу открылись двери, и кто-то вышел из своей комнаты. Я разбудил Аркадия Иосифовича. Ни вас, ни Олега на месте не оказалось. Возможно, вы предложили ему объясниться, а он недооценил вас, понадеявшись на свои кулаки. Мы заглянули на кухню и увидели вас, вытирающего рукоять ножа. Иных доказательств и не требуется.

– Что с ним разговаривать, – Аркаша подошел и пнул меня. Молодость, пылкая, увлекающаяся молодость.

– Спокойнее, Аркадий Иосифович.

За моей спиной часы проббили три раза. Страчанский потянулся в другой карман. Опять револьвер? Нет, он достал флакон и рюмочку– яичко. Режим суров, но он режим.

– Мы сдадим вас властям. А до тех пор придется вам терпеть некоторые неудобства.

Он собрал рюмку, отмерил дозу из флакона. Я напряженно следил за ним. Неужели...

– Не отравлено, Петр Иванович, – он проглотил снадобье. – Живой, как видите.

– У вашей версии один дефект. Её можно приложить к каждому.

– Никто из присутствующих, кроме вас, не мог подложить фигурку Юрию Крутову, – холодно ответил Страчанский. – И мы не вытирали нож, которым убили Олега.

Я пошевелил пальцами рук. Пока послушны.

– Давеча, Александр Борисович, вы убедили всех нас, что убийца – Нимисов. Давайте предположим, что это – правда. Но не вся. У Нимисова есть сообщник. Первые три убийства они совершили вместе, а потом сообщник убивает Нимисова и несет эстафету смерти, простите за высокопарность, в одиночестве.

– Любопытно, – вежливо протянул Страчанский. – Кто же тот таинственный сообщник?

– Вернемся к фигурам. Мы считали, что преступник оставляет их, чтобы навести на ложный след. А если нет? Если фигура – оценка, эпитафия? Саблецова пешкой обозначить могли и вы – потому что цените себя на три головы выше. Из презрения. И ты, Аркаша, считал его пешкой, так и не превратившейся в ферзя. Насчет Комова и Крутова ясно – рабочие лошадки. Но вот гибнет Нимисов, и мы находим слона. Что это значит?

– Что это значит? – эхом отозвался Аркаша.

– Сначала я решил, что слон – это епископ. Духовный пастырь, так сказать. Но, кажется у французов, эта фигура обозначает сумасшедшего, безумца. Всё, что произошло здесь – результат безумия. Валерий Васильевич помогал вам, но на свой манер. Ему казалось, что биополе убитых войдет в вас и укрепит, передаст лучшие качества жертв. Дикари в тех же целях пожирали врагов.

– Валерий Васильевич – сумасшедший? – Аркаша подался вперед.

– Не он один. Его сообщник тоже. Безумие заразно порой буквально.

– Кто же из нас, по– вашему, сумасшедший? – устало спросил Страчанский.

Аркаша неотрывно смотрел на огонь за моей спиной.

– Если бы только сумасшедший! Упыри и вурдалаки – не выдумка, во всяком случае, легенды о них имеют реальную основу. Амок, знаменитое состояние, удесятеряющее силы, возникает из-за болезни мозга. Куру, губчатый энцефалит – может быть, слышали о таких? Куру болеют люди, энцефалитом чаще коровы, лоси, олени. Передается с кровью и при поедании заражённого мозга. Я работал в Уганде и видел таких больных. Они теряют человеческий облик, становятся одержимыми. Вирус перестраивает разум, заставляя работает его в бешеном, сжигающем ритме, резко возрастает агрессивность – и люди превращаются в упырей и людоедов. Убийство – способ существования для них. Даже если несчастная жертва и вырвется из лап людоеда, она обречена – вирус, переданный при укусе, сделает свое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.